

зверь для охоты.

Переход к последовательному потеплению, к так называемому климатическому оптимуму, совпадает на Камчатке с распространением там ранненеолитической охотничье-рыболовецкой культуры. Для этой поры раннего, по-видимому еще бескерамического, неолита характерны прежде всего ножевидные, порой очень длинные и всегда правильные пластины, призматические нуклеусы, резцы из пластинок и частично ретушированные наконечники стрел, изготовленные из черного стекловидного камня обсидиана или кремнистых пород техникой тонкой оббивки и отжима.

Общий характер культуры на Камчатке, судя по всему, в это время был почти такой же, как в период докерамического неолита в Японии, на Аляске и, по-видимому, на Чукотке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сибирь в новокаменном веке Эпоха неолита

Вслед за мезолитом около 6—5 тыс. лет тому назад начинается новое неолитическое время.

Предшественники и предки неолитических людей — племена эппалеолита и мезолита, как мы видели, жили уже в условиях новой геологической эпохи — голоцена, когда складываются основные черты современной нам природы. В неолитическое время эта природа полностью приобрела знакомый нам облик. Вдоль берегов Ледовитого океана расстилались тундры. Южнее лежала полоса лесотундры, которая языками лесов вторгалась вдоль речных долин на север. Сплошным широтным поясом протянулась теперь от Тихого океана и до Балтики лесная зона. Настоящий зеленый сибирский океан шумел на тысячи километров в глубине азиатского материка. На Дальнем Востоке мрачная темнохвойная тайга переходила в пышные леса Амура и Приморья, где сложился и свой собственный животный мир.

Новое неолитическое время отличается от предыдущего уже тем, что теперь освоение большей части территории Северной Азии человеком в основном заканчивается. Разумеется, население Сибири тогда было еще очень редким. Отдельные племена были разделены необитаемыми пограничными пространствами. Это в полной мере соответствовало хозяйству и образу жизни лесных охотников, для существования которых требуются большие пространства тайги и тундры, способные прокормить их рыбой и мясом. Но по сравнению с эпохой палеолита успехи неолитических людей в заселении пустынных ранее пространств были огромными: неолитические поселения насчитываются не единицами и даже не десятками, а сотнями. Следы весьма древних поселений человека, владевшего луком и стрелами, шлифованным топором, умевшего изготавливать глиняную посуду, обнаруживаются по всей Северной Азии, в том числе вдоль арктических берегов Сибири: на Колыме, Индигирке, в Центральной Чукотке (стоянка на р. Якитикивееме), на реках Попигае и Хатанге — у самого Таймырского полуострова, в Бодышеземельской тундре. Всего гуще следы неолитических поселений рассеяны в тайге вдоль Ангары и Лены, вокруг Байкала, в районе Читы, в бассейне Амура и в Приморье.

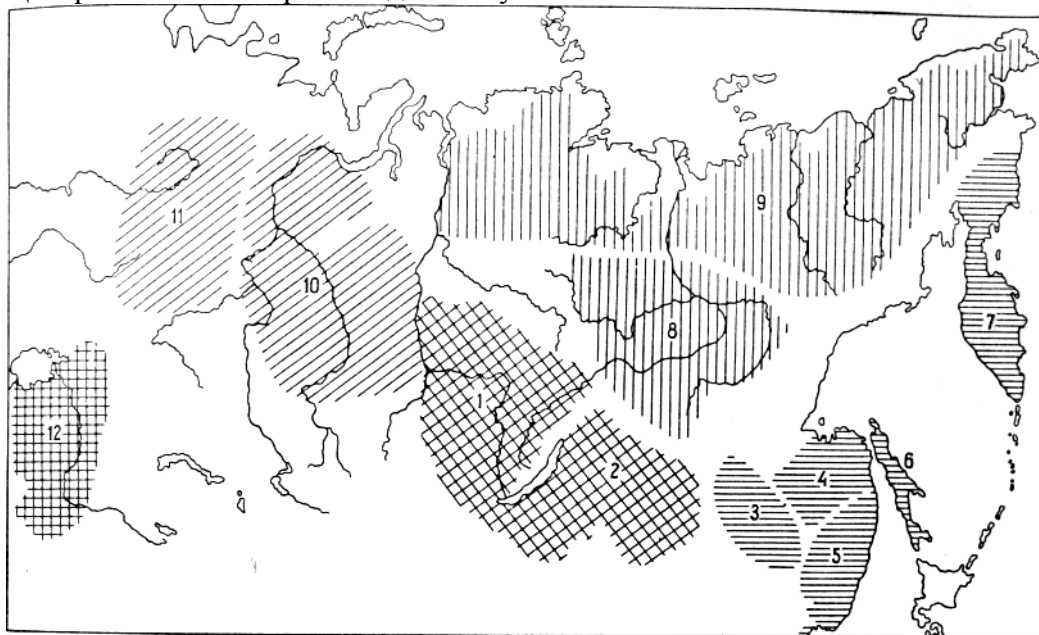
Еще важнее, что в новых естественногеографических условиях постепенно

наступает конец и былomu единообразию хозяйственного уклада, образа жизни и всей культуры древнейшего населения Сибири. Если бы мы могли пролететь 5 тыс. лет тому назад на «машине времени» Уэллса по маршруту ТУ-104 от Ленинграда до Владивостока, то мы увидели бы, как внизу, начиная с Урала, одна за другой сменяются по крайней мере шесть больших хозяйственно-культурных областей неолитической Сибири. Восточнее Урала и до Енисея жили тогда полуоседлые рыболовы и охотники Западной Сибири, причем в долине Оби и к западу от нее роль рыболовства, вероятно, поднималась до уровня ведущего занятия, определяя нали-

94

чие почти такого же оседлого уклада, как и на Амуре. На Енисее, у Красноярска, они соприкасались с лесными охотниками и рыболовами Прибайкалья, в жизни которых охота на лесных животных имела решающий перевес.

В тундре и лесотундре Восточной Сибири, на Таймыре, в бассейнах Оленека и Лены за Полярным кругом и еще далее к востоку, вплоть до Берингова пролива, кочевали бродячие охотники на северного оленя и озерные рыболовы Арктики. Вдоль Лены, Вилюя и Алдана жили полуоседлые рыболовы — охотники Центральной и Северо-Западной Якутии.

Неолитические культуры Сибири.

Байкальский ареал: 1 — ангарская, 2 — онежская; дальневосточный ареал: 3 — среднеамурская, 4 — нижнеамурская, 5 — приморская, 6 — сахалинская, 7 — камчатская; якутский ареал: 8 — среднеленская, 9 — северо-восточная; урало-обский ареал: 10 — обская, 11 — шигирская; среднеазиатский ареал: 12 — кельтеминарская.

В культуре населения всех этих областей, помимо особенностей, вызванных различиями ландшафтной обстановки, в хозяйстве и образе жизни,

обнаруживаются и более мелкие, но еще более важные в этнографическом плане специфические особенности, не зависящие прямо и непосредственно от образа жизни и хозяйства.

В свое время наш выдающийся этнограф В. Г. Богораз метко сказал, что на севере одним из надежных способов определения этнической принадлежности среди многих других являются обыкновенные стельки. Каждый народ, оказывается, имеет здесь свои собственные стельки и по-своему их употребляет. В археологическом материале мы имеем то немногое, что Могло уцелеть от разрушительного действия времени. Но от этого значение Уцелевших элементов, конечно, не уменьшается, а возрастает. Таковы главным образом орнамента глиняных сосудов, а также особенности и Детали одежды, которую можно восстановить по сохранившимся украшениям.

Можно, следовательно, полагать, что каждой из шести больших областей, отмеченных выше, соответствовала и определенная группа племен, имевшая собственное этническое лицо. В ряде случаев

95

удается в какой-то мере проследить даже связи этих древних культур с последующими - вплоть до этнографических культур. Так, уже в каменном веке прослеживаются глубокие корни культуры некоторых современных племен и народов Сибири, обнаруживаются их отдаленные предки. Ознакомление с этими группами древних племен и их культурами удобнее начать с запада, от Уральского хребта, а окончить его на востоке, у берегов Тихого океана. Первой такой областью древних культур Сибири является Западно-Сибирская.

1. НЕОЛИТ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Вдоль рек, в том числе в бассейне р. Оби, и по берегам многочисленных озер Западной Сибири издавна обитали различные неолитические племена, имевшие много общего в своей культуре.¹

Наиболее ранние по типу находки обнаружены на стоянке у Андреевского озера вблизи Тюмени (первая Андреевская стоянка, или Андреевское озеро). Здесь на глубине около 2 м над толщей донного песка, несколько глубже современного уровня Андреевского озера было обнаружено большое количество ножевидных пластин. Из ножевидных пластин изготовлены были и каменные орудия — вкладные лезвия для вкладышевых орудий, ножи, скребки, а также наконечники. Изделия эти имеют в целом выдержанный архаический облик. Скребки концевого типа широко распространены в культурах эпипалеолитического времени. Среди вкладышей нет типично неолитических, сплошь ретушированных с обеих сторон, у них обработаны только края, оформленные мелкой зазубривающей ретушью. Особенно архаичны наконечники. Все они изготовлены из более или менее широких пластин, только отчасти обработанных ретушью и при этом характерным образом: вдоль краев и на кончиках. Несколько наконечников имеют вдоль одной длинной стороны специфическую боковую выемку, образующую черешок. Такие наконечники характерны для позднемезолитических и раннеолитических культур соседних степных областей Средней Азии. Они известны там начиная с пещерных поселений Юго-Западной Туркмении (IV слой пещеры Джебел) и кончая несколько более поздними (IV—III тыс. до н. э.) поселениями кельтеминарского типа в низовьях Аму-Дарьи. Такие же наконечники известны

и из самых ранних неолитических погребений Прибайкалья хиньской стадии.

В целом весь этот наиболее ранний здесь комплекс находок свидетельствует о наличии у древнего населения Восточного Приуралья весьма древних традиций, уходящих в микролитическую культуру степного мезолита Средней Азии и Восточной Европы.

Эпоха развитого неолита в собственном смысле этого слова представлена богатыми находками на том же Андреевском озере, на стоянках Козлова переходя и «VIII пункт». Для этих двух стоянок характерны глиняные сосуды с округлым и острым дном, полуяйцевидные и параболлоидные в вертикальном сечении. Сосуды украшались довольно богатым орнаментом, выполненным острием палочки—стека или гребенчатым штампом. Часто применялся полулунно-гребенчатый штамп, которым выполнялись узоры в виде криволинейных зигзагов. Важное место в орнаментации керамики принадлежало струйчато-волнистым линиям с характерными ритмическими нажимами. Композиция узора была в ряде случаев зональной, орнаментальные элементы располагались горизонтальными рядами параллельно венчику. Иногда же орнаментальное поле не только расчленялось вертикальными «лесенками» на широкие горизонтальные по-

¹ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. «Материалы и исследования по археологии СССР» №35 М., 1953

лосы, но и дополнительно разбивалось на особые участки, преимущественно треугольные или трапециевидные. Острое дно сосудов в свою очередь украшалось радиальными, расположенными от центра в стороны узкими полосами узора. Вместе с обломками таких сосудов встречены различные мелкие изделия из камня — скребки, ножевидные пластины, вкладные лезвия, наконечники стрел, а также шлифованные орудия.

К этому времени относится могильник около дер. Усть-Куренга на р. Шаж, правом притоке Иртыша. При неолитическом костяке здесь оказались шлифованное тесло, трапециевидное в поперечном сечении, костяные острия, украшения из расщепленных клыков кабана, украшенные волнисто-зубчатыми выемками вдоль края, а также две подвески или штампы с зубчатыми краями, может быть, служившие для нанесения на сосуды гребенчатого узора. Кроме того, имеются две схематически трактованные головки животных, вырезанные из тонких пластинок мягкого сланца.

К несколько более позднему времени, примерно к половине III тыс. до н. э., как полагают исследователи, относятся неолитические поселения в низовьях р. Оби, в северной части его бассейна. Таковы, например, поселения на мысе Чэстый-яг на р. Ляпине, Сортынья и Хулюм-Сунт на Северной Сосьве. Эти поселения расположены на мысах и ярках, в болотистых приозерных местах и потому не имеют следов укреплений. В них нет ни рвов, ни валов. Достаточной защитой им служила окружающая их дикая природа. Обитатели таких поселений жили зимой в постоянных жилищах типа землянок. Землянки квадратные в плане, очень велики по размерам. Площадь наиболее крупных землянок достигает 600 м² и более, глубина их равна 3—4 м. Они располагались при этом группами, иногда рядами. Подобные постройки должны были сооружаться соединенными усилиями целого коллектива и несомненно служили общинно-родовыми жилищами. Землянки, хотя и значительно меньших размеров,

продолжали здесь существовать в качестве основного вида жилища спустя 3—4 тыс. лет. Они были на Оби еще в XVIII—XIX вв. под названием «мыс-хат», т. е. «земляной дом».

В неолите жители Приобья жили не столько охотой, сколько рыболовством. Огромная река с ее многочисленными старицами, протоками и озерами доставляла людям значительно более верный источник существования, чем охота. Рыболовство определило не только относительную оседлость, тип жилищ — землянок, но и другие черты быта, в том числе и одежду из рыбьих шкур, характерную для приобских племен как в глубоком прошлом, так и вплоть до самого недавнего времени, до XIX в. «Одежда их, — писал в начале XVIII в. Гр. Новицкий о жителях Приобья, хантах, — обще из кож рыб, наипаче с налима, иже подобан сому, тот де осетра и стерлядей одерше кожу только трудами своими умягчает, яко могут все одеяния себе из них сошиты, обще же из налимай кожи — кожаны, с иных же чулки, сапоги утворяют». Такую одежду, должно быть, носили и обитатели неолитических землянок. Внутри землянок и вообще на поселениях оседлых рыболовов и охотников Нижнего Приобья сохранились многочисленные предметы их домашнего обихода, позволяющие восстановить не только общие черты быта, но и ценные детали, характеризующие место приобских племен среди их современников в Европе и Азии. На поселениях найдены шлифованные и оббитые орудия из камня, в том числе долота, ножи, скребки, дисковидные наконечники палиц, наконечники стрел, вместе с обломками тонкостенных горшков яйцевидной формы. Горшки обыкновенно украшены были гребенчатым, а реже ямочным по технике исполнения узором, расположенным горизонтальными зонами и покрывающим сосуд сплошь, от венчика до днища. Орнаментальные зоны состоят как правило, из чередующихся горизон-

тальных полос зигзага, то узких, то широких, и разделяющих их полос вертикальных вдавлений. Изредка встречаются волнистые прочерченные линии, опоясывающие сосуд. Со временем орнамент усложняется. Распространяется узор в виде широкоячеистой сетки, образованной гребенчатыми полосами, а также широких криволинейных полос и расположенных под углом друг к другу более или менее коротких линий. Усложняется и техника орнаментации. Гребенчатый штамп становится разнообразнее. Так, например, теперь появляются овальные гребенчатые оттиски («гусеничные»), «гребенчатая качалка». Наряду с круглыми распространяются и овальные ямки. Каменные тесла из наиболее ранних землянок — трапециевидные и овальные в поперечном сечении, иногда с желобчато-выпуклым лезвием. Позже появляются топоры с сечением, близким к прямоугольному, но с выпуклыми широкими поверхностями. Одним словом, это была уже вполне зрелая неолитическая культура, во многом близкая тем культурам лесных рыболовов и охотников, которые сложились на Урале и к западу от него.

На Верхней Оби, в районе Томска, наиболее значительным памятником неолита является могильник на Старом мусульманском кладбище у Лагерного сада в г. Томске. Он содержит 30 могил, в которых было найдено большое количество каменных тесел и топоров, наконечников стрел и копий, ножей, скребел, стерженьков для рыболовного крючка, выпрямителей древков стрел, скребков и замечательное изображение медведя. Во многих могилах оказались

целые или разбитые горшки.²

Другой памятник, Томский могильник, находится в Лагерном саду г. Томска. Восемь могил этого могильника датируются неолитическим временем. В них содержался обычный для неолитических памятников материал, такой же как на мусульманском кладбище.³

Кроме могильников, известны поселения большей частью с разновременным материалом, в которых, однако, типологическим методом удастся выделить и ранние чисто неолитические комплексы: поселения на месте могильника Самусь I, остатки поселения и могила у с. Могильники, примерно в 150 км к западу от Томска, и Новокусковская стоянка.

Люди, оставившие эти памятники, лепили глиняные сосуды в виде плоскодонных горшков с раздутыми боками и небольшим донцем, часто неровным или же сделанным не параллельно венчику. Делали они горшки двух разновидностей: часть из них усеченно яйцевидной формы, у таких устье сосуда несколько сужено; другие же — баночные, с открытым верхом. Горшки украшали незатейливым орнаментом, нанесенным закругленным концом относительно тонкой палочки, оттиски которой образуют горизонтальные линии, иногда сдвоенные или строенные. Между этими полосами расположены пустые пояса. Иногда линии орнамента короткие, образующие как бы шахматный узор на поверхности сосуда. Встречаются сосуды, целиком покрытые такими оттисками. Иногда орнамент из оттисков имеет вид взаимно проникающих треугольных зон. Во всех этих случаях оттиски стоят поперек или под углом к линии орнамента. Но часто они следуют один за другим и тогда образуют линии отступающей палочки. Некоторые сосуды дополнительно украшены одним или двумя рядами ямок, расположенных под венчиком.

Наиболее многочисленными и разнообразными изделиями, найденными в могилах этого времени, являются тесла. Их делали из подходящих галек, которым путем сколов придавали нужную форму. В зависимости

² А. П. Дульзон. Томский неолитический могильник. «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. XVII, 1957.

³ М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. «Материалы и исследования по археологии СССР» вып. 24, 1952, стр. 17—50.

от назначения тесла изготовляли с разным рабочим краем. Наиболее многочисленны тесла со скошенным со стороны брюшка рабочим краем. Они разнообразны как по величине, так и по поперечному сечению. Другие тесла имеют плоскую и сильно выпуклую спинку, в сечении они часто трехгранны. Довольно много также тесел с асимметричным рабочим краем, у них и спинка, и брюшко выпуклые, но все же брюшко несколько более плоское. Встречаются тесла с желобчатым рабочим краем. Нуждаясь в острых режущих орудиях, люди эпохи неолита в районе Томска изготовляли ножи двух видов. К первому относятся большие асимметричные ножи из ромбических в сечении пластин с сильно выпуклым рабочим краем. Второй вид ножей неправильно миндалевидной формы изготовляли из отщепов. Они значительно меньших размеров и сделаны более небрежно. Для охоты на зверей и птиц в это время использовали лук со стрелами и копья. Найдено

много наконечников стрел трех видов; больших лавролистных с закругленным основанием, узких иволистных с прямым основанием и небольших миндалевидных с выпуклыми боками и прямым основанием. Вместе с ними находятся и наконечники копий, иногда лавролистной формы, из тонких хорошо отретушированных пластин. Ассортимент орудий, которыми пользовались люди эпохи неолита, был довольно широк. Для разных работ применяли неправильно миндалевидные скребла, скребки, которые обычно делали на концах пластин, простые отщепы и песчаниковые плитки. Встречаются в инвентаре могил и «выпрямители древков стрел», а также каменные стерженьки с насечками по концам, которые служили частью составных рыболовных крючков. В одной из могил на Старом мусульманском кладбище найдена каменная фигурка бегущего медведя с раскрытой пастью и высунутым языком.

В это время люди хоронили своих сородичей на кладбищах, расположенных в непосредственной близости от реки, в простых грунтовых ямах, обычно не очень глубоких. Первоначально ямы имели, видимо, деревянные перекрытия, которые сгнили и осели внутрь. После похорон иногда на месте погребения устраивалась тризна и зажигался огонь, а остатки костра потом сваливали в могилу или на нее. Огонь, таким образом, играл существенную роль в обряде погребения.

По составу инвентаря могилы Старого мусульманского кладбища резко делятся на две группы. Для одной из них характерны горшки, их бывает обычно по два в одной могиле. Иногда вместе с сосудами лежит топор и обязательно нож, встречаются отщепы. В другой группе могил посуды нет, но зато всегда присутствуют предметы вооружения: наконечники стрел и копий, несколько тесел, ножи. Наблюдается и различная ориентировка для каждой группы могил. Возможно, это мужские и женские могилы; судя по ним, обязанности мужчин и женщин в процессе производства были резко разграничены. На долю мужчины приходилась охота и рыбная ловля, продукты которых являлись основным источником питания людей эпохи неолита. Женщины же преимущественно занимались Домашним хозяйством, изготавливали посуду и, видимо, собирали различные съедобные растения.

Характерной особенностью керамики из Томского могильника в отличие от той, которая известна на Нижней Оби, является плоскодонность сосудов. Эта черта свойственна многим сосудам и из тех поселений, которые известны на Верхней Оби. Это стоянки Киприно, Верхние Чемы, Ирмень I, Мереть I и II.4

⁴ М. Н. Комарова. Неолит Верхнего Приобья. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 64, 1956, стр. 93.

Неолитическая культура, характерная для района Томска в конце III тыс., сменяется новой культурой. Видимо, это связано с приходом сюда новых людей, которые оставили могильник №I у с. Самусь.⁵ Могильник Самусь I находится на высоком берегу в устье речки Самуськи. Всего здесь оказалось 16 могил, в которых были найдены каменные топоры, тесла, ножи, наконечники стрел и несколько сосудов. Эти люди в противоположность своим предшественникам не делали сосудов с плоским дном. У них были только круглодонные и остродонные горшки. Остродонные сосуды имели выпуклые посередине бока и несколько отогнутый венчик. Круглодонные горшки по своей

форме приближались к параболоидным. Из семи найденных в могилах горшков не было ни одного плоскдонного. Изменяется и способ украшения посуды. Исчезают орнаменты, выполненные отступающей палочкой. Стенки некоторых сосудов покрыты сплошными рядами мелких оттисков отступающего гребенчатого штампа.

В могилы по-прежнему кладут вещи производственного назначения и чаще других тесла, значительно реже топоры. Тесла представлены двумя видами: с плоским брюшком и выпуклой спинкой, у которых поперечное сечение имеет вид трапеции, и тесла со скошенным рабочим краем. В отличие от памятников более раннего времени большинство рубящих орудий изготовлялось из толстых пластин.

Как и раньше, в могилах часто лежат целые и ломаные ножи, но теперь редко встречаются большие асимметричные ножи с выпуклым рабочим краем. Зато больше становится неправильно миндалевидных, сделанных из отщепов. Вместе с тем появляются и хорошо отшлифованные ножи с вогнутым лезвием.

Происходят и некоторые изменения в форме наконечников стрел: все они книзу сужаются и имеют либо прямое, либо острое основание. Всего несколько экземпляров найдено с расширенным закругленным основанием. Наряду со старыми наконечниками копий лавролистной формы появляются и новые узкие наконечники, ромбические в сечении. Кроме того, в могилах найдены абразивы и уникальная фигурка стоящего на задних лапах медведя.

Изменяется и обряд погребения: появляются необычные захоронения одних черепов, что ни разу в других местных могильниках не встречено. Из верхнеобских стоянок ближе всего к самусьскому могильнику по форме сосудов и использованию для их орнаментации зубчатых штампов стоянки Ирба, Кротово II и Ордынское. Время могильника Самусь I определяется тем, что более ранние памятники здесь сближаются со стоянкой на Андреевском озере, а сам этот могильник близок к Екатерининской стоянке, датируемой В. Н. Чернецовым III тыс. до н. э. К этому же или даже несколько более раннему времени следует относить известный Кузнецкий могильник,⁶ погребальный ритуал которого и инвентарь, однако, во многом отличны от того, что известно по могильникам в районе Томска. Характеристика неолита Верхней Оби была бы неполной, если не упомянуть первоклассные памятники искусства, найденные как в могилах, так и высеченные на знаменитой скале у дер. Писаной. Глубокое знание мира зверей и мастерство обнаруживается в таких вещах, как скульптура медведя из Самусьского могильника на Старом татарском кладбище у г. Томска. Столь же искусно изображена летящая птица, костяная скульптура которой найдена в Яйском могильнике. По художественной

⁵ В. И. Матющенко. Самусьский могильник. «Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева», т. 150, серия историческая, стр. 46.

⁶ Н. А. Чернышев. Кузнецкий неолитический могильник. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 39, 1953, стр. 336.

силе и выразительности первое место занимает фигура медведя из неолитического могильника Самуськи. Медведь изображен в спокойной позе, с передними лапами, по-человечески подобранными и сложенными на груди. У

зверя огромная лобастая голова с длинной, типично медвежьей мордой. На голове животного рельефно моделированы круглые плоские уши, ямками обозначены маленькие глазки, тщательно прорезан длинный рот. От всей фигуры веет умиротворенностью и спокойствием.

Скульптуры неолитического времени передавали изображаемое животное не только в состоянии покоя, но и в стремительном движении. Медведь бежит в панике, он полон движения, все его тело напряжено. В таком же стремительном движении изображена и летящая птица. Это скорее всего гагара или утка. Она летит, вытянув шею, вся устремленная вперед. Вместе с тем животные изображены без мелких деталей: у медведя ноги только намечены, у птицы нет крыльев. Выразительный материал для характеристики искусства населения этих районов дают также замечательные писаницы на р. Томи, у дер. Писаной. О рисунках на р. Томи знали еще авторы XVIII в., которых вместе с коренным населением этих мест поразило множество звериных и человеческих фигур, с необыкновенным терпением и тщательностью выбитых на скале, о подножие которой бьются волны быстрой горной реки, а вершина увенчана густыми зарослями леса.

Томская писаница «двуслойная». Большинство изображений, наиболее ранних по возрасту, выбито на ней в камне характерной мелкой выбивкой, «точечной ретушью». Часть рисунков вырезана и вышлифована, а некоторые фигурки, первоначально выбитые, были затем «освежены» и усилены резными линиями. Но во всех этих рисунках нет никакого отображения скотоводства, являвшегося основным занятием и главным источником существования людей бронзового и раннего железного века. Среди древнейших, выбитых точечной выбивкой изображений выделяются фигуры людей с широко расставленными и согнутыми в коленях ногами. Эти человечки как бы приседают в позе танца. Руки их распростерты в стороны и тоже изогнуты. На писанице отчетливо видно, что Два человека схватились руками и крепко держат друг друга. Головы у них округлые, широкие.

В другом месте среди лосей видна фигура человека с туловищем, изображенным в фас в виде треугольника, и головой, как будто повернутой вбок, как на египетских фресках. На голове видны широко выгнутые дугообразные рога. Одна рука человечка плавно изогнута и опущена вниз,

Медведь. Скульптура из Самусек.

другая тоже согнута в локте, но поднята кверху. Ноги фигурки тоже слегка изогнуты. Человечек как будто обращается к кому-то с речью или с вопросом.

Наряду с рисунками людей видны рядом две схематически изображенные человеческие ступни. Есть также условные знаки в виде двух концентрических овалов, вписанных друг в друга. Они, возможно, представляют собой элементарные знаки женского плодородия.

Но больше всего на Томской писанице фигур животных: звери на ней решительно преобладают. Вся писаница представляет собою как бы окаменевший обломок древнего звериного эпоса, целую поэму о зверях. Под двумя отмеченными выше человечками видна фигура животного с выпуклой горбатой спиной и склоненной вниз ушастой головой, напоминающей медведя. Одна фигура животного изображена в движении, в скачке, в галопе. У него пара острых ушей и длинный кривой хвост. Это скорее всего лиса или волк. Одна из лучших по ее реалистической живописи фигур Томской писаницы изображает журавля или цаплю. Птица стоит на длинных кривых ногах; у нее змееобразно изогнутая шея и длинный острый клюв, опущенный книзу. Две фигуры изображают, по-видимому, филина или сову. Обе они трактованы различным образом и выполнены в различной технике. У одной фигуры, по-видимому более древней, видна широкая голова, напоминающая бубновый туз; посередине ее вырезан клюв, по бокам намечены глаза. Туловище птицы, широкое и округлое, сплошь усеяно точками, очевидно, изображающими оперение. Среди рисунков Томской писаницы видна и еще одна фигура птицы, выбитая наиболее глубоко и четко. Это явно водоплавающая птица — утка,

изображенная в характерной для нее позе. Она как будто привсталала на воде и, вытянув шею с длинной массивной головкой, отряхивает крылья.

Главное место среди рисунков Томской писаницы занимает образ лося. Лоси идут целыми рядами, одни лоси следуют друг за другом, другие шагают им навстречу. Лоси изображены в одной и той же специфической фанере. У них короткое массивное туловище с мощным горбом над лопатками и узкий сухой круп. На груди и шее многих фигур глубоко врезаны дугообразные полосы. Морды животных очерчены лаконично и вместе с тем очень живо, с пластической глубиной рельефа. На них нарочито выделено утолщение тяжело нависающей верхней губы, заботливо отмечена расщелина рта и миндалевидный узкий глаз. Ни на одной фигуре не видно характерных лосиных рогов в виде лопаты с зубцами. Но зато на всех вырезаны поднятые кверху уши. Это все, должно быть, не лоси-самцы, а самки-лосихи. Ноги зверей сухие и длинные, широко раскинутые в стороны, на них показаны раздвоенные оленье копыта.

Стремление рассказать в рисунке о звере как можно больше, полнее, нашло неожиданное выражение и в одной любопытной детали. На одном изображении лося в области груди имеется стреловидная фигура: это несомненно сердце и аорта зверя. Такой по-детски наивный прием, повествовательный рассказ о внутренностях зверя, об источнике его жизненной силы, встречается у западносибирских народов и много позже. Он известен также и в искусстве других народов этого же уровня развития, например у североамериканских индейцев.

Многочисленные фигуры лосей на Томской писаной скале не представляют собой какой-то единой, однажды задуманной и затем сразу осуществленной композиции. Они несомненно рисовались различными мастерами и в разное время. Однако все они или по крайней мере большинство их объединены, во-первых, единством стиля и творческой манеры древних мастеров. Главная черта этого стиля и художественного мироощущения того времени - динамизм.

102

Вся эта масса лосей захвачена одним динамическим порывом. Лоси быстро шагают, бегут и скачут, вытянув головы вперед. Их фигуры напряжены до предела и наполнены неукротимой энергией. Среди них нет ни одной фигуры, недвижно застывшей на месте.

Стремясь подчеркнуть этот динамизм и экспрессию лосиных фигур, древний мастер использовал простой и эффективный прием. Он расположил их не горизонтально, а слегка наклонно, приподняв верхнюю половину тела лося и соответственно опустив нижнюю. Такое расположение лосиных фигур становится еще более выразительным на фоне косых глубоких трещин, рассекающих гладкую поверхность писаной скалы. Могучие сильные звери как бы неудержимо стремятся кверху, карабкаются и перепрыгивают через трещины, упрямо преодолевая все препятствия на пути к цели.

Томская писаница с большой силой и наглядностью раскрывает мысли и чаяния, связанные с охотничьей жизнью, с заботой о благополучии первобытных охотников. Нет сомнений в том, что в основе этих изображений первобытная охотничья магия, стремление завладеть зверем.

В свою очередь скульптурные изображения из неолитических погребений могут многое рассказать о вере в духов-хранителей и предков, а также о космогонических мифах древних племен Западной Сибири. В них

представлены, как мы видели, два основных сюжета, два центральных образа: медведь и птица.

Рассматривая эти памятники искусства каменного века западносибирских племен эпохи неолита, следует иметь в виду, что по общему облику их культуры и искусства они были настолько близки к своим западным соседям, обитателям Урала, что трудно сомневаться в их этническом родстве, в принадлежности тех и других к одной большой этнографической группе каменного века, или иначе к уральской, угорской. Последняя в свою очередь была близка к жителям лесных пространств между Балтийским морем и Уралом, т. е. тех областей, где писаная история застаёт уже во времена Геродота и Плиния финно-угорские народы и племена.

Не удивительно поэтому, что именно в их фольклоре и мифологии обнаруживаются такие элементы, которые позволяют понять идейное содержание памятников древнего искусства, оставленных неолитическими людьми.

Медведь издавна занимал особое, видное положение в мировоззрении и верованиях финно-угорских племен; он находился в ранге божества и пользовался в их религии самыми почетными правами.

Неслучайно, что в искусстве неолита Западной Сибири такое видное место принадлежит водоплавающим птицам, в первую очередь уткам. Оно, вероятно, объясняется особой ролью этих птиц в мифологии и космогонических воззрениях финно-угров. Мир, как рассказывает эпос финских племен, возник из яйца, снесенного в море гигантской уткой. Не случайно, должно быть, на неолитических сосудах их яйцевидная форма сочетается с образом птиц и воды. Может, сосуд означает яйцо, из которого возник мир; волнистые линии — воду первичного океана — бездны, а утки, «плывущие» по его волнам, напоминали древним людям миф о той птице, которая создала Вселенную.

В целом неолитические и непосредственно следующие за ними памятники ранней бронзы Западной Сибири отражают сложную историю местного населения в IV—III тыс. до н. э. Племена, обитавшие на границе тайги и степи, издавна находились в связи с потомками мезолитических обитателей степей и пустынь Средней Азии, оставивших после себя поселения с микролитическими изделиями геометрических форм. В зрелой неолитической культуре этих племен по-прежнему много общего со Средней Азией, конкретно — с кельтеминарской культурой Приаралья. Вместе

с тем эти общие с кельтеминарской культурой черты являются столь же характерными для неолита Урала. Можно поэтому, что и делают некоторые исследователи, говорить о какой-то определенной культурно-этнической общности, о большой группе родственных племен, обитавших в III — IV тыс. до н. э. в Приаралье, на Урале и в южных районах Западной Сибири. Очень вероятно, что это были предки угорских племен, граничившие на западе с предками финских племен Восточной Европы, а на юге — с древними индоевропейскими (ираноязычными) племенами Средней Азии. Позднее, в эпоху бронзы, на основе этой древней культурно-этнической общности вырастает, по-видимому, афанасьевская культура ранней бронзы.

Вторая группа племен, заселявших северные и восточные лесные районы Приобья, по своей культуре во многом была ближе к лесным племенам европейской части РСФСР, к неолитическому населению Волго-Окского района

и Карелии, оставившему поселения с ямочно-гребенчатой керамикой. Об этом особенно наглядно свидетельствуют характерные остродонные сосуды с зональной гребенчатой орнаментацией строго выдержанного зонального прямолинейно-геометрического стиля.

В то же время как северные, так отчасти и южные племена Западной Сибири находились в связи с населением других областей, расположенных далее на восток, по направлению к Енисею и Ангаре. Оттуда в Западную Сибирь, на Урал и даже в Карелию проникали специфические для таежного Приангарья «топоры с ушками», известные на Ангаре с китойского времени. Есть общие черты с инвентарем прибайкальских могильников того же китойского времени и в инвентаре Усть-Куренгского погребения (расщепленные клыки кабана, орнаментация краев этих клыков волнисто-зубчатыми выемками), а также могильника в Кузнецке. Неизвестно, были ли здесь этнические контакты и прямое родство древних племен Западной и Восточной Сибири или сказывалось только опосредствованное культурное влияние, проникавшее через неродственные друг другу племена. Но во всяком случае такое культурное взаимодействие существовало и накладывало определенный отпечаток на всю культуру этих племен.

2. НЕОЛИТ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

В IV—III тыс. до н. э. на берегах Ангары и Лены, а также в низовьях Селенги были расселены племена, создавшие своеобразную байкальскую неолитическую культуру. Многочисленные археологические памятники прибайкальского неолита и раннего бронзового века (глазковской культуры)— могильники, поселения, наскальные рисунки позволяют полнее, чем где-либо в других местах Сибири, проследить историю развития культуры этих племен, а также ее характерные черты и особенности, тесно связанные с природным окружением, с сибирской тайгой, в которой эти племена жили с начала голоцена.⁷

Жизнь в суровой тайге Прибайкалья определила прежде всего основное направление и содержание хозяйственной деятельности обитавших в этом районе племен. Земледелие здесь в условиях того времени на уровне неолита исключено. Человек должен был продолжать ту жизнь, которую вели его ближайшие и более далекие предшественники, заниматься собирательством в той или иной мере, рыбной ловлей, а более всего охотой на крупных таежных животных: лосей, оленей, медведей и кабанов. Подсобное значение имела охота на лесных водоплавающих птиц,

⁷ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 18, 1950.

а также на мелких пушных зверей, шкурки которых, как и ныне, вероятно, шли на отделку одежды.

Потребности охотничьего промысла в таежных условиях определили пути дальнейшего технического развития прежде всего по линии усовершенствования охотничьего оружия и снаряжения. Это ясно видно на материалах из могильников наиболее раннего Исаковского этапа прибайкальского неолита. В инвентаре этих могильников особо видное место занимают предметы охотничьего вооружения, в том числе наконечники стрел,